

**Арина
Ларина**

Впусти
в своё сердце
любовь!

**Люблю,
целую, жму лапу!**

РОМАН

Арина Ларина

Люблю, целую, жму лапу!

«ЭКСМО»

2014

Ларина А.

Люблю, целую, жму лапу! / А. Ларина — «Эксмо», 2014

Маленький, лопоухий, беззащитный... Он сидел на лестничной клетке в старой коробке и смотрел такими глазами, что было понятно – не взять щенка себе невозможно! Тем более что из-за спины раздалась команда «Берите!». Злая блондинка с пятого этажа явно умела руководить людьми... Так в жизни Рюрика Тарасова закончился покой. Решительная блондинка приходила навещать питомца в самое неподходящее время, насмехалась над Рюриком, испугала его не в меру заботливую маму. Но однажды... появилась в клубе знакомств, которым руководил Тарасов. Ага, значит, и у такой железной леди есть проблемы!

© Ларина А., 2014

© Эксмо, 2014

Арина Ларина

Люблю, целую, жму лапу!

Утро началось отвратительно. Ещё задолго до звонка будильника Рюрик проснулся от навязчивого воя чьей-то сигнализации. Часы показывали несусветную рань, можно было ещё спать и спать, но жалостливое «ууу-иии-ууу-иии», заливавшееся в комнату через открытое настежь окно, ввинчивалось в мозг и гнало сладкий сон прочь. Серое небо, мрачно набрякшее над городом, позитива не добавляло. Обычное рабочее утро – тихое, ленивое и дождливо-грустное. Впрочем, до работы было ещё часа три!

Нет, надо было вчера лечь раньше, а не играть в шахматы по Сети. Самое обидное, что отыграться так и не получилось. Права мама – всё зло от компьютера. Теперь весь день ходить с тяжёлой головой.

За окном, балансируя на проводе, на угрюмого Рюрика укоризненно смотрела взъерошенная ворона. Дескать, да, милый мой, надо было! Тем более – мама говорила...

Прошлёпав босыми ногами по холодному полу, Рюрик недовольно задраил стеклопакет и прислушался. Вой стал тише, но всё равно лез в уши навязчивым комариным писком.

Что за люди? Вот он держал машину в гараже – очень удобно. И хозяину хорошо, и соседям никакого беспокойства. Если уж быть совсем честным, машина в гараже стояла уже год. Аккуратный «Шевроле» был куплен под давлением Таньки Ханиной, бывшей одноклассницы, советчицы и просто хорошего друга. Татьяна была убедительна и напориста, как танк на кукурузном поле. Рюриковские возражения быстро оказались смятыми и раздавленными.

– Мужчина без машины – как самец без половых признаков! – вещала Ханина, потряхивая смоляной чёлкой и периодически сдувая её набок. – Вот кто ты без машины? Просто Юрик Тарасов, инженер-конструктор, нескладный, неустроенный и никому не нужный. А рядом с машиной у тебя сразу меняется аура. Женщина видит не какого-то там инженеришку без перспектив, а мужика, хозяина стального коня, рыцаря в сияющих доспехах. Жалок мужчина, волокущий даму сердца на троллейбус. Пассажир – это диагноз. Мужчина должен быть ведущим, а не ведомым. У него в руках должен быть руль, чтобы женщина сразу понимала, что ехать ей придётся туда, куда скажет хозяин.

Ханину иногда заносило, но хромая логика – это отличительная женская черта, поэтому Рюрик к Татьяниним закидонам относился снисходительно. И только ей было позволено называть его Юриком. Для остальных он был Рюрик Михайлович Тарасов. Мама говорила, что мужчина не должен позволять панибратства ни на работе, ни в личной жизни. Человека с отчеством уважают, это заложено в людской психологии – назвал по отчеству и на «вы», сразу мозг выдаёт сигнал: этот человек рангом выше меня. Маму Рюрик уважал и слушался. Ханину он тоже уважал и совершенно не умел с ней спорить, страдая обычной для всех интеллигентов проблемой – неумением говорить «нет».

Танька была хороша, самоуверенна и одинока. Высокая брюнетка, ухоженная, стильная, кареглазая, вечно загорелая, с неплохой фигурой и хорошей работой, она могла составить счастье любого достойного мужчины. Да вот беда – не было достойных.

– Одна фигня вокруг, – печально делилась с Рюриком Ханина. – И лучше быть ни с кем, чем с кем попало.

Свой нерастраченный материнский инстинкт она выплёскивала на друга детства, стараясь обогатить его жизненный опыт сомнительными достижениями женской логики. Так получилось и с этой несчастной машиной. Права Рюрик получил, машину купил, выложив за неё почти все сбережения, после чего выяснилось, что на работу удобнее ездить на метро. А больше ездить было некуда. Мама жила через пару домов от него, дачи в семье не имелось, так что даже возить туда-сюда коробки с помидорными ростками и мешки с урожаем нужды не было.

– Ничего страшного. Была бы машина, а остальное приложится, – не унывала Таня, имея в виду, что приложится, видимо, должна дама сердца.

«Шевроле» из салона перекочевал в старенький гараж, доставшийся Рюрику в наследство от отца. Сам папенька исчез из семьи много лет назад, бросив юную жену с отпрыском и отправившись навстречу приключениям. Из приключений он так и не вернулся, сгинув где-то в пути от беспробудного пьянства, зато теперь пригодился гараж, много лет простоявший пустым.

– Вот, – лучилась позитивом Ханина, – всё к лучшему, и развалюха ваша пригодилась.

Танька вообще была оптимисткой, чего сказать о Рюрике не удавалось даже с большой натяжкой.

Тридцать три года для мужчины – это такой возраст, когда начинаешь задумываться о семье. Не так исступлённо, как женщины, – с тихой истерикой и причитаниями, что время уходит. Нет, совершенно иначе. Просто начинают появляться мысли, что неплохо было бы завести кого-нибудь постоянного, чтобы гладили рубашки, варили что-нибудь вкусненькое, ждали по вечерам с работы. Конечно, мама тоже это всё может, но физиологию никто не отменял. И однажды даже самый убеждённый холостяк созревает до осознания того, что в хозяйстве нужна постоянная женщина. Это и полезно, и приятно, и очень экономно. Разумеется, если будет ещё и любовь, то совсем хорошо, а если нет, то, значит, не судьба, но можно и без особых страстей, просто жить долго и мирно в ожидании старости.

Тарасов ни о какой старости ещё не задумывался. Его начало тяготить именно отсутствие любви. Мама, безусловно, его любила, но это было не совсем то.

Маменька Валентина Петровна была женщиной властной, авторитарной и громкоголосой. У неё имелось собственное мнение по поводу личной жизни сына и его перспектив. При том что мама постоянно попрекала его отсутствием внуков, фигура непосредственной производительницы потомства виделась Валентине Петровне весьма смутно. Её Рюшечка был умным, а что вы хотите – у мальчика институт с красным дипломом! Рюшечка был невероятно эрудированным – у него даже в туалете целая пачка кроссвордов! Рюшечка высок, красив как бог и воспитан, как герцог английский. И тут вдруг на всё это богатство припрётся какая-то деваха, недостойная столь прекрасного мальчика. Случится мезальянс, инфаркт и светопреобразование. Женщина, которая станет её невесткой, должна была обладать неземным букетом добродетелей. Проще говоря, такой девицы в природе просто не существовало.

Сам Рюрик видел себя в менее радужных тонах. Да, высокий, но сутуловатый, немного нескладный, крупный, но не здоровяк, с совершенно обычным среднестатистическим лицом. Мужик как мужик. Принцесса на такого точно не позарится. Да и ему принцесса не больно-то нужна. Но кто-то определённо был нужен.

Давным-давно, ещё после школы, их с Татьяной дружба едва не переросла в нечто большее. Наивный и неопытный юноша перепутал дружбу с любовью, собравшись до пенсии дружить с бойкой чернявой одноклассницей. А что? Ноги длинные, грудь есть, личико симпатичное, и человек она хороший.

Они даже целовались один раз. Первый и последний, поскольку за этим делом голубков застала Валентина Петровна, которая и провела с Ханиной профилактическую беседу. Наверное, слова мама подобрала очень правильные и нужные, так как больше года Рюрик с Татьяной даже не общались. А потом пересеклись на встрече выпускников, посмеялись и продолжили дружбу, не претендуя на большее. Как друг Танька была незаменима. Свой в доску парень, отзывчивый и верный человек, на которого Рюрик всегда мог положиться. Но кроме друга любому мужчине нужна и подруга.

С этим было сложно.

Идеальная женщина, с которой он мог бы ужиться, должна была быть милой, тихой, застенчивой, хозяйственной и доброй. Внешность будущей супруги Рюрик представлял себе весьма смутно. Он даже не был до конца уверен, что ему нужна именно супруга, а не просто подруга для встреч. Но это ж ясно, что любая подруга довольно быстро захочет определённости в отношениях. А то так можно всю молодость потратить на секс, а потом остаться у разбитого корыта. Тарасов был мужчиной ответственным и обязательным, поэтому понимал – женщина рано или поздно потребует гарантий, и это будет справедливо. Тут его логика давала сбой, так как всё же планировать отношения с дамой по пунктам, словно ремонт санузла, было делом провальным. Хотелось всё же любви, страсти, эмоций и чего-то такого, что, конечно же, в природе существовало, но с ним пока ещё не случилось. Любовь – это химия. Так говорила Татьяна. Причём сама она честно признавалась, что влюблённости и страсть у неё были, а вот ничего похожего на настоящую любовь – нет.

– Это, наверное, научная фантастика, и никакой любви нет, – печалилась Ханина, изредка тихо наливаясь коктейлями в обществе бывшего одноклассника. По её собственному признанию, Юрик был единственным мужчиной, которому она доверяла на все сто. У него дома можно было выпить, поплакать и при этом с ним не переспать. – А мне так хочется большого и светлого чувства, чтобы крышу сносило, чтобы сердце останавливалось.

Тарасову хотелось того же самого. Но пока в его жизни из постоянных женщин имелись лишь бдительная маменька и Света с работы.

Светлана Егоровна Церлина была дамой в теле. Улыбчивая брюнетка со звонким голоском, короткой стрижкой а-ля мадам Грицацуева и ясными голубыми глазами страстно желала замуж. Причём иногда Рюрику казалось, что Светочке всё равно, кого окольцевать. Просто в их отделе он был единственным подходящим холостяком. Ещё двое на рынке женихов не котировались – один был сильно мятым жизнью алкашом, а второй – алиментщиком, отстёгивавшим от зарплаты аж трём жёнам и четырём детям. С таким багажом даже Ди Каприо считался бы крайне сомнительной парой.

Следовало признать, что и сама красотка парой была бы сомнительной. То ли от нерегулярной половой жизни, а проще говоря – её полнейшего отсутствия, то ли из-за раннего климакса, а может быть, и вовсе по причине поганого характера Светлана Егоровна периодически закатывала в офисе безобразные скандалы и истерики по самым безобидным причинам. То ей пыль на стол специально насыпали, то окно из вредности закрыли или открыли, то идею украли. Не обогретая кавалерами Церлина впадала в крайности, чем очень пугала спокойного и уравновешенного Рюрика. Женщина-вулкан ему точно была не нужна.

Светочка обхаживала Тарасова целый год. Сначала она просто вежливо дала понять, что не против отношений. Рюрик её молчаливого согласия не понял – не дошло, как это часто бывает. И тогда Светочка начала улыбаться ему чаще, к месту и не к месту. Но и тут до Рюрика не дошло. Близился корпоратив, куда ничего не подозревающий холостяк пошёл в качестве Светочкиного кавалера. Она попросила составить ей компанию. Тарасов наивно согласился. Он же не знал, что истомившаяся без мужской ласки Светлана Егоровна загонит его в зал для переговоров, зажмёт в угол и будет лапать, как гусар красну девицу. Спасла Рюрика лишь самонадеянность коллеги. Когда Светочка решила, что объект уже достаточно облапан и готов к подвигам, она взгромоздилась на стол и томно проворковала:

– Давай!

И Тарасов дал. Он рванул стремглав, как спугнутый выстрелом заяц, в мгновение ока залетев в рабочий кабинет, выхватив из гардероба пальто и ускакав прочь. Щёки его пылали, сердце колотилось, а едва не поруганная честь плаксиво требовала отмщения. Как после этого появляться на работе, он не представлял.

Зато Света, поставившая себе цель, пёрла к ней, как асфальтовый каток – медленно и неуклонно. Обижаться на мужчину неконструктивно, если планируешь его соблазнить. Это

ж сначала обидеться, потом помириться – бессмысленная трата времени. Самое правильное продемонстрировать понимание и лояльность. Самцы любят понимающих и всёпрощающих женщин.

Когда Рюрик, пунцовый от переживаний и нервно озирающийся, притопал после праздников на работу, Светочка лишь игриво погрозила ему пухлым пальчиком и подмигнула. Судорожно сглотнув, Тарасов решил в ближайшее время избегать одиночных походов по коридорам. Не стоит думать, что он боялся какую-то там толстушку. Даже притом что оба были примерно в одной весовой категории, он легко справился бы с любвеобильной дамой. Другое дело, что опускаться до... до драки? Мужчина, отбивающийся от дамы – довольно жалкое зрелище. Наверное, надо было посоветоваться с Таней, но он отчего-то постеснялся. Всё же это была слишком интимная проблема. Другое дело, что Ханина как раз беззастенчиво пользовалась его советами в этих вопросах, приговаривая, дескать, а у кого ещё про это всё спрашивать, если не у мужика. Рюрик так не мог. Давать советы – одно, а открываться самому – совсем другое. Для столь смелых консультаций он был слишком замкнутым и стеснительным. Так или иначе, Светочка не успокоилась и продолжала хищно преследовать жертву, всячески намекая, что не обиделась. Она даже умудрилась написать ему на рабочую почту, что понимает его смущение и готова дать ему второй шанс. Получалось, что это Рюрик опростоволосился, опозорился, показав слабость перед дамой, и эта дама теперь великодушно предлагает ему дерзнуть ещё раз. Разъярившись, Тарасов стёр письмо от греха подальше, пока этот всплеск тестостерона не прочитал админ сети, и решил игнорировать Церлинские улыбочки. Светочка приуныла, но ненадолго. Уже через неделю она начала кормить весь отдел, в том числе и неприступного Тарасова, пирожками и печенюшками собственного изготовления. Сдоба была очень даже ничего, но столь примитивным способом сердце Рюрика было не растопить. Он поклядисто жрал всё, чем подкармливала его Церлина, но на сближение не шёл. Путь к его сердцу лежал не через желудок. Если б Рюрик знал, что в его пирожки деятельная Светлана Егоровна добавляла добытый у какой-то шарлатанки приворотный порошок, у него, наверное, случилось бы несварение. Но Тарасов пребывал в неведении, а потому спокойно жевал Светочкины подношения.

С некоторых пор работа, которая раньше казалась ему вполне сносной, начала Рюрика тяготить. Необходимость и неизбежность ежедневного общения со Светочкой основательно вымотала интеллигентного и мягкого Тарасова, вынужденного изыскивать способы, чтобы увернуться от объятий любвеобильной дамы.

Поворочавшись в кровати под едва различимый плач сигнализации, Рюрик окончательно открыл глаза и уставился в потолок. Вставать не хотелось.

Соседи снова скандалили. Визгливый женский голос, злобный баритон мужчины и писклявый старушечий речитатив. Началось в колхозе утро!

Ругались супруги ежедневно, утром и вечером, а по выходным ещё и днём. Пороха в огонь добавляла проживавшая с ними чья-то мать – не то свекровь, не то тёща. Как говорится, хочешь развестись, посели в своём доме родителей. На людях это была вполне приличная пара. Кира, миниатюрная шатеночка в круглых очках, с виду тихая и нежная, и Василий, коротко стриженный крепыш, похожий на комсомольца из старых фильмов. И только Рюрик знал, какими витиеватыми конструкциями они обкладывают друг дружку, оставшись наедине. Старушка тоже не отставала, значительно обогащая запас Тарасовского нецензурного лексикона. Некоторые перлы были просто-таки гениальными по степени экспрессии и выразительности. Увы, слышимость в блочном доме была такой, что соседи всё про всех знали. Тарасов не был исключением. Именно эта пара и сдерживала его от перехода к активным поискам своей половинки. Имея Интернет, можно было найти себе девушку, не выходя из дома, благо сайтов знакомств множество. Но это всё казалось каким-то ненадёжным. Мужчины опасались охот-

ниц за кошельками, женщины – маньяков. И те и другие беззастенчиво ввали, преувеличивая свои достоинства и нивелируя недостатки. Фотографии безбожно фотошопили, а романтические письма плагиатили из Сети. А если учесть, что в итоге можно было заполучить в жёны вот такую с виду тихую и покладистую Киру, то ну его на фиг.

По сайтам знакомств Рюрик всё же ходил. Ходил и ужасался. К сожалению, у Тарасова была одна неразрешимая проблема. Правда, Татьяна считала это везением, но сам Рюрик страшно тяготился столь сомнительным везением.

Он был гениальным интуитом. То есть почти всегда сразу чувствовал, хороший человек или нет, подходит он ему или нет.

– Я просто пессимист, – бормотал Рюрик, когда одноклассница в очередной раз попыталась подsunуть ему на смотрины своего кавалера. – Я вижу в людях плохое. Это не рентген и не интуиция, это мнительность в самом худшем её проявлении. Я, конечно, не мизантроп, но близок к этому. Ты совершенно зря полагаешься на моё субъективное мнение.

Но Таня была уверена, что друг не ошибается. Если он говорил, что кавалер скряга, то так впоследствии и оказывалось. Если высказывал опасение, что новый ухажёр подлец, то так оно в итоге и получалось.

– Просто ты выбираешь не тех, – виновато мямлил Тарасов.

– Нет, Юрочка, это ты видишь их насквозь. Если бы не ты, я б давно в кого-нибудь вляпалась и сейчас бы мучилась, – настаивала Татьяна.

Так или иначе, но в женщинах Рюрику виделись сплошное зло и неприятности. Логика подсказывала, что это элементарный страх перед серьёзным шагом, а знакомство, безусловно, можно было считать архисерьёзным изменением в жизни. Тарасов был чудовищно консервативен, но ничего не мог с собой поделать.

Однажды он уже отважился рискнуть и просчитался. Лет пять назад юная студентка, родители которой наняли его репетитором, смотревшая на мир широко распахнутыми детскими глазами, так трогательно лепетала ему про любовь и первые чувства, что Рюрик поверил. Сперва он, конечно, стойко сопротивлялся собственной физиологии, не желая совмещать работу и личное. Но если очень хочется, то убедить себя можно в чём угодно. Барышня была совершеннолетней, чистой, как ангел, и трогательно доверчивой. Во всяком случае, неопытному репетитору тогда казалось именно так. Потерявший голову Тарасов сдался, решив, что влюбился и пришло время обзавестись семьёй. Он даже начал подумывать о покупке колечка для своей феи, но тут случилось невероятное. Без пяти минут невеста пригрозила обвинить его в изнасиловании, если Рюрик не заплатит кругленькую сумму отступных. Вот вам и вся любовь. Дважды на одни и те же грабли наступают только идиоты. Тарасов себя таковым не считал, но женщины в его жизни явно не хватало. Здравый смысл подсказывал, что приличные девушке всё же где-то есть, да вот только фото на сайтах знакомств свидетельствовали об обратном. В глазах незнакомок читалось всё, кроме любви.

Как говорится, пуганая ворона куста боится. Тарасов был той самой вороной, маявшейся оттого, что и хочется, и колется.

Позавтракав в одиночестве, он привычно просмотрел в Интернете новости и поплёлся на работу. У выхода из подъезда, как обычно, раскорячился джип амбала с четвёртого этажа. Этот лысый хмырь принципиально игнорировал стоянку, перекрывая выход из дома и заставляя людей протискиваться мимо его чёрного катафалка. И ведь все молча терпели, никто не осмеливался даже вякнуть. Рюрик тоже считал, что с хамами лучше не связываться. Фингал и сломанная челюсть ещё никого не украшали. А невоспитанный сосед выглядел именно как человек, способный организовать все эти неприятности одновременно.

Тем удивительнее была сцена, свидетелем которой стал Тарасов.

Какая-то стройная блондинка с короткой стрижкой, крепкими ногами и звонким голосом отчитывала пунцового амбала, заливая бедолагу ядом и сарказмом.

– Нет, разумеется, если у вас инвалидность, или в силу, пардон, слабости вы не в состоянии проползти до родных пенатов эти пятьдесят метров, то давайте организуем для вас отдельную стоянку. Я могу договориться в управе, ещё и съезд специальный оборудуем. Вы сегодня, я смотрю, на своих двоих, без коляски? – донеслось до Рюрика. – А что так? На подвиги потянуло? Берегите себя, не надо рисковать. Машину, опять же, опасно так ставить. Велосипедом поцарапают или самокатом, или вовсе ногтями. Люди тут злые, завистливые, ходят мимо и шипят. Можно подумать, трудно протиснуться по мокрому газону. Подумаешь, кусты и грязно. Нужно быть проще. Правда? Ой, я тут случай вспомнила, в Интернете читала. Одной даме на машину пшена насыпали. Так смешно было, птички прилетели, поклевали, ну и так далее. Машина вся как торт с кунжутом стала – в пупырышках и глазури. Вы, кстати, как к птичкам относитесь?

– Ты мне не угрожай тут, – проревел хозяин машины. – Вон и свидетель есть.

Он выдвинул мощный подбородок в сторону топтавшегося за спиной блондинки Рюрика.

– Если чего с моей тачкой случится, я на тебя заявку напишу. – Амбал буравил оппонентку глубоко посаженными бесцветными глазками. – Мужик, ты слышал, что она угрожала?

– Ничего он не слышал, – ухмыльнулась блондинка, повернувшись к Тарасову, у которого от предчувствия драки заныл желудок и подскочило давление.

– Мужик, – рыкнул амбал. – Свидетелем будешь?

Скандалы Рюрик страшно не любил. Он всегда старался избегать конфликтных ситуаций и тихо ненавидел людей, которые пытались его во что-то втянуть. Сейчас был именно тот случай. Но жизнь – такая сложная штука. Она вечно ставит нас перед выбором, не давая отсидеться в тёплом и уютном укрытии. Надо было выбирать. Тарасов при всей своей неконфликтности, безусловно, был за справедливость. А ещё глубоко в душе он был немного мушкетёром, поэтому пришлось нарушить баланс сил и перейти на сторону дамы.

– Ничего я не слышал, – буркнул он и вдруг с вызовом добавил: – Но по сути проблемы согласен. Ваша машина всем надоела. Довожу до вашего сведения, что мы пишем коллективное заявление.

Тут Рюрик бессовестно соврал. Причём непонятно зачем. Никакое заявление никто писать не собирался. Вернее, собирались, но когда выяснилось, что нужно подписываться и даже указывать номер квартиры, энтузиазм соседей как-то сам собой угас.

– Вот, – подхватила идею блондинка. – Уж лучше пятьдесят метров до парковки, чем полдня до штрафстоянки. Правда? С общественностью лучше дружить, нервы будут целее. Надеюсь, завтра бибика будет стоять на правильном месте.

Мужик что-то пробормотал, запрыгнул в джип и, злобно газанув, уехал.

Наверное, они победили. Тарасов даже немного загордился, всё же он в этой битве тоже чуть-чуть поучаствовал.

Блондинка тем временем молча процокала каблуками в сторону маленькой синей машинки, села за руль и захлопнула дверь.

Тарасов равнодушно пожал плечами. Он не любил таких «хозяек жизни» – уверенных, жёстких и языкастых. Женщина должна быть мягкой, кроткой и ласковой. Женственность – это вовсе не шпильки, декольте и короткая юбка. Женственность – это что-то такое нежное и тёплое внутри самой женщины, то, что делает её слабой. А сильная женщина – это нонсенс. Сильными должны быть мужики, это их прерогатива, выданная природой от рождения. Кто захочет быть рядом с такой бой-бабой? В бизнесе это, может быть, и хорошо, а в жизни – плохо. Даже противоестественно.

– Тоже мне, автоледи, – пробормотал Рюрик, отчего-то застеснявшись. Вот так, девица за рулём, а он на общественном транспорте. Наверное, надо было из принципа начинать водить. Но даже если и начать, то куда машину-то парковать? Все места заняты. Он сам не раз становился свидетелем ежевечерних стычек соседей, бодавшихся за место на стоянке. К каким

только уловкам не прибегали ушлые автовладельцы, чтобы их железный друг ночевал поближе к дому! Сначала несколько человек сговорились и поставили столбики с цепями. Естественной реакцией на это самоуправство стал сговор другой группы соседей, которые настроили жалобы куда надо, а потом с наслаждением наблюдали за демонтажом этих самостийных оградок. После чего эта же группа борцов за справедливость установила ярко-оранжевые парковочные замки. Надо ли говорить, что тут же собралась ещё одна кучка активистов, демонтировавших эти замки, а на подъездах появились истеричные заявления ЖЭКа о том, что, если ещё кто-то будет столбить места на парковке, оштрафуют всех, а вместо парковки сделают клумбу. Угроза была так себе, без адекватного юридического базиса, но народ обозначать территорию перестал, прибегнув к иным методам. Теперь, уезжая, кто-то оставлял бутылку, кто-то – старое колесо, а некоторые загодя высылали во двор жён, детей, престарелых родственниц, которые покорно болтались под окнами, резервируя места для парковки собственными телами. Иногда между ними вспыхивали яркие и красочные скандалы, лишней раз доказывавшие всем лишённым автомобилей гражданам, что машины – зло.

Рюрик тоже так считал. И почему он повёлся на Танькины уговоры – совершенно непонятно.

Вероятно, в этот день что-то такое витало в воздухе. И в метро народ попался в вагоне довольно склочный, и охранник на работе поздоровался сквозь зубы, и Светлана Егоровна была не в духе. Вернее, сначала-то она была очень даже в духе, со всех ног бросившись к Тарасову с очередной порцией печенья.

– С клубникой, – затараторила Светочка, когда Тарасов начал опасливо разглядывать тёмную, желеобразную кашку на румяном бисквите. – Ягодки со своей грядки, сама собирала, мыла, без удобрений.

– Да уж, печенье с удобрениями – не комильфо, – гоготнул завалившийся в кабинет Кирюша. – Хотя я как глянул, сразу подумал, что эта хрень сверху как раз из разряда удобрений.

Кирилл был заместителем заведующего складом, а по совместительству чьим-то сыном. Чьим – никто не знал, но тот факт, что юноша целыми днями бездельничал, мотаясь по коридорам и заигрывая с девушками, свидетельствовал в пользу наличия мохнатой лапы. Зачем завскладом такой заместитель – никто не знал. Кирюша был простоват, глуповат и пошловат. Кроме прекрасного пола, его на работе вообще мало что интересовало. Ну разве что ещё компьютерные игры. Вёл парень себя развязно, шутил глупо, а болтал много. Рюрик про себя называл его балаболкой. Но вслух, конечно, ничего такого не говорил. Какое ему дело до какого-то там Кирюши.

Светочке шутка «балаболки» не понравилась. И немудрено. Его шутки вообще мало кому нравились. Но народ с нормальной нервной системой на глупости реагировал сдержанно, а вот Светлана Егоровна так не умела.

Заводилась она сразу, моментально, как дорогая машина с хорошим двигателем, за доли секунды переходя на рёв.

– Сам ты удобрение, – завизжала Светочка, метнув в Кирилла печенюшкой. Её меткости позавидовал бы любой ворошиловский стрелок. Выпечка попала аккурат Кирюше в лоб, причём тесто тут же рассыпалось, а клубничка приклеилась к чёлке, неэстетично зависнув над переносицей. – Гад! Подлец! Мерзавец!

Светлана Егоровна топала ногами, отчего по полу шла лёгкая дрожь. Заглянувшая в кабинет девочка из соседнего отдела сочувственно закатила глаза и, ухмыльнувшись, retirовалась. Испуганный Кирюша начал бочком пробираться к дверям, недоумевая, почему только ему одному так страшно. Народ, привыкший к Церлинским закидонам, продолжал работать, изредка с любопытством и некоторой опаской косясь на Светлану Егоровну. Мадам в гневе

легко могла перекинуться на любого, кто подвернётся. Бывалые бдительно старались не подворачиваться, совершая как можно меньше движений и издавая по возможности минимум звуков.

Бледный Кирилл добрался наконец до спасительного выхода и позорно бежал с поля боя.

Светочка, всхрипнув, как бешеный гиббон, резко повернулась к Рюрику. Вообще-то на него она ещё никогда не орала. Наверное, от нападений Тарасова спасали matrimониальные планы коллеги, она всё ещё на что-то надеялась. Но рисковать не стоило, поэтому Рюрик торопливо сунул угощение в рот, демонстративно закатил глаза и прошамкал:

– Светочка, это божественно. Вы потрясающе готовите.

Печенье и прочая сдоба у Светланы Егоровны в самом деле были чудесными, так что тут он даже душой не покривил.

Настроение Церлиной менялось молниеносно – подобно погоде в тропиках. Только что она орала на ультразвук, и вот уже – вуаля, улыбается и щебечет:

– Да? Правда вкусно? Я старалась. Вы такой милый, такой душка.

Рюрик согласно закивал, дескать, да – я милый и душка. Не говорить же ей в ответ, что она тоже, кхм, милая.

Комплименты в адрес Светланы Егоровны были чреваты последствиями.

Стоило Тарасову из чувства самосохранения похвалить любвеобильную даму, как она тут же снова пошла на абордаж, многозначительно улыбаясь, подмигивая и норовя задеть бедром.

С работы он буквально сбежал, улучив момент, когда коллега отлучилась припудрить носик перед окончанием трудовой вахты.

– Я сегодня пораньше, мне надо, – пробормотал Тарасов понимающе ухмыляющимся сотрудникам. Наверное, уже вся фирма следила за их отношениями. Рюрик не удивился бы, если б узнал, что народ делает ставки на исход противостояния. До чужой личной жизни всем есть дело. И тем, у кого её вовсе нет, чтобы хоть чем-то заполнить эмоциональную пустоту. И тем, у кого она есть, потому что на фоне чужих глупостей собственные неудачи кажутся более терпимыми.

Домой не хотелось. Когда изо дня в день возвращаешься в пустую квартиру, где тебя никто не ждёт, прогулки по городу начинают казаться привлекательными. Иногда Рюрик думал, что и бабульки постоянно колготятся во дворе, потому что дома тоскливо. Это может понять лишь тот, кто долго стремился к покою и одиночеству, а потом в одночасье понял, что одиночество – это совсем не так здорово, как представлялось в начале.

Он с детства, сколько себя помнил, жил с мамой. Мама знала всё: с кем он дружит, с кем разговаривает по телефону, какие у него завтра уроки и что поставили за домашнюю по химии. Скрыть что-либо от Валентины Петровны было делом неосуществимым, да Тарасов и не пытался. В её жизни не было ничего более важного и ценного, чем единственный сын. Поэтому мама жила «Рюшечкиными» делами и проблемами. Любая, даже самая любящая мама при таком раскладе может сильно надоесть. То есть любить её Рюрик, конечно, не перестал, но жить желал отдельно.

Валентина Петровна была навязчива и утомительна, как страховой агент. Тарасов не мог выпить с друзьями пива, привести домой девушку, даже высморкаться в ванной спокойно он тоже не мог. Маман немедленно материализовывалась перед дверью и тревожно шептала в щель:

– Зая, ты что, простыл? Хочешь, я куплю капельки от насморка? Они не горькие!

До самого мая он вынужден был выходить из дома в шарфе и шапке, чтобы мама не беспокоилась. Встретаться с женщинами можно было только в её присутствии, так как только Валентина Петровна могла сказать точно, не будет ли от девочки неприятностей. Не встречаться с женщинами тоже было нельзя, потому что маму начинала беспокоить его потенция.

Она тревожилась и подсовывала ему под нос статьи о вреде нерегулярной половой жизни. Усилием воли и ценой тягостных скандалов со слезами и упреками ему всё же удалось убедить Валентину Петровну жить отдельно. Но при одном условии – мама желала поселиться в шаговой доступности от деточки. Решено было, что она будет приходить, чтобы стирать, готовить и убирать. На семейном совете постановили, что Рюрик останется в двухкомнатной, а мама уедет в однушку.

– Не спорь, – отрезала маман. – У тебя будет семья, дети, тебе нужна большая площадь. Я дарю тебе эту двушку и надеюсь, что ты это оценишь.

Рюрик оценил. На радостях он даже не стал напоминать маменьке, что это не совсем подарок, так как однушку для мамы он брал в кредит, который надо было ещё как-то выплатить.

Десять лет Тарасов пахал как раб на галерах. Он хватался за любую работу, дополнительные проекты, репетиторство и даже рефераты и дипломы для студентов. Кредит был выплачен, самостоятельность обеспечена и закреплена материально и на бумаге, а счастье так и не наступило. То есть Рюрик, безусловно, радовался, что живёт хотя бы не с мамой. Но для внутренней гармонии этого было недостаточно.

Квартира перестала казаться уютной. Даже притом что Тарасов был ярко выраженным домоседом. Пустота ощущалась физически и морально. Наверное, пора было всё же легализоваться на сайте знакомств и попытаться найти тихую, домашнюю девушку, которая хотя бы минимально подойдёт под его требования. Помимо отсутствия склочного характера, дама должна была быть ещё и остроумной. Иначе сосуществовать с ней под одной крышей будет затруднительно. Просто скучная и правильная девица была Рюрику не нужна.

По дороге с работы Тарасов даже начал придумывать текст объявления для анкеты. Чтобы не заполучить в итоге какую-нибудь скучную клушу, он твёрдо решил составить анкету с юмором, чтобы и девушки писали соответствующие. Но дальше первой фразы «Благородный идалго, уставший от ратных подвигов, ищет свою Дульсинею» у него дело не двинулось. Начало было спорным. С одной стороны, девицы, не знающие значения слова «идальго», должны были сразу сминусоваться. Хотя на свете существовали поисковики, дававшие ответы и на более сложные вопросы. С другой – соискательницы могли неправильно понять пассаж про ратные подвиги. Ещё решат, что он отставной дуболом-прапорщик, уволенный в запас. Но это же фигура речи, девушка с юмором должна понять. Или не должна? Они всё же не поржать на эти сайты заходят, а найти мужа. А тут он со своими шутками и неоднозначными посылками. Может быть, не выпендриваться и написать просто и честно, раскрыв все карты. Вроде женщины любят честных и открытых парней. Хотя загадочных и интригующих они любят ещё больше. Так, во всяком случае, утверждала Татьяна. Её последний кавалер, простой, как кирпич, получил отставку именно по причине своей незатейливости. Он всегда говорил, что думает, не заморачиваясь на такт и дипломатию. Сначала это было мило, а потом надоело.

Занятый этими мыслями Тарасов не заметил, как добрался до дома. То, что он уже почти пришёл, Рюрик осознал, нажимая на кнопку лифта. Помимо привычной сумрачной тишины в подъезде было что-то ещё. Какой-то звук. Нет, не звук, а писк. С подвизгиванием. Жалобный и странный. Эти звуки точно издавал не ребёнок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.